

Сказав это, она снова покатила глазами и предположила:

— К тому же на Великой церемонии Помилования женщин всегда бывает мало, так что я думаю, другой, наверное, тоже мужчина, а не женщина?

Цзи Учжоу улыбнулся, но ничего не сказал, видимо, соглашаясь.

— А? Учитель, это же слишком несправедливо! — с хитрой ухмылкой сказал первый ученик. — Оба победили в церемонии, почему этот смог вернуться на оленьей повозке, а тот должен плыть на корабле?

Цзи Учжоу косо посмотрел на него и ответил:

— Потому что он меньше болтает.

Все на мгновение замерли, а потом разразились хохотом, хлопая по столам:

— Ха-ха-ха! Старший брат, слышал? Учитель опять говорит, что ты слишком много болтаешь!

Лу Цы смотрел на них сбоку: они прыгали, размахивали руками и смеялись до слёз, напоминая выводок обезьян. Ему было забавно, но к тому же довольно неожиданно — он и не думал, что в Дворце бессмертных Думэн будет такая непринуждённая и шумная атмосфера.

Кстати, эта атмосфера даже немного напоминала старые порядки Тайной обители Цанлин. В прошлом учитель Цюэ Цзиньсянь общался с учениками именно так, как сейчас Цзи Учжоу: свободно, легко, без церемоний. Ученики часто толпились вокруг него, шутили и шумели, забывая о почтении.

Ученики смеялись и шумели долго, пока не успокоились. А старший ученик, над которым они подшучивали, надулся, закатил глаза и сделал вид, что не обращает на них внимания. Когда все посмеялись, он весело посмотрел на Лу Цы и спросил:

— Значит, этот парень теперь наш младший брат?

Цзи Учжоу посмотрел на Лу Цы, немного помолчал, словно обдумывая что-то, а потом вдруг улыбнулся:

— Нет, это младший дядя.

— Что?!

Лица у всех стали такими, словно их ударила молния. Лу Цы тоже изменился в лице, но Цзи Учжоу небрежно добавил:

— Он мне очень по душе, я думаю через пару дней побрататься с ним.

Лу Цы тайно вздохнул с облегчением. Остальные же с ужасом переглядывались, будучи застигнутыми врасплох этим «свалившимся с неба дядей».

Прошло много времени, прежде чем они с трудом приняли этот факт. Один из них неловко хихикнул:

— Так этот... младший дядя, как его зовут?

Вот, опять.

Лу Цы мысленно попрощался с покоем и смиренно ответил:

— Сун Чжун.

— ... — все окаменели.

Рот того, кто спрашивал, неловко топорщился долгое время, пока он наконец не выдавил сухо:

— А...

В этот раз из угла зала раздался холодный голос:

— Владыка дворца, у подчинённого есть важное донесение.

Лу Цы обернулся и увидел мужчину в чёрной одежде, стоявшего там с опущенной головой и сжатыми в кулак ладонями. Он выглядел серьёзным и почтительным, совсем не похожим на these раскованных учеников.

Цзи Учжоу встал и пошёл к нему, но через несколько шагов остановился, обернулся к Дун Пин и сказал:

— Смотри за ними, чтобы не засиделись допоздна. Проведи его в павильон Юйлу, когда разойдутся.

Услышав слова «павильон Юйлу», ученики переглянулись, подмигивая друг другу. Дун Пин тоже на мгновение замерла, потом кивнула:

— Слушаюсь.

Она проводила взглядом Цзи Учжоу, уходящего с тем мужчиной, а Лу Цы убрал взгляд и спросил:

— Кто это?

— Это? — ответила Дун Пин. — Его зовут Нань Цяо.

— Эх! Ты так говоришь, он разве поймёт? — старший ученик счёл её объяснение недостаточным и вызвался сам. — В нашем дворце четыре управляющих: Дун Пин, Си Цзин, Нань Цяо и Бэй Сюэ. Дун Пин — вот эта сестрица перед тобой.

Он подмигнул в сторону Дун Пин, кивнул ей подбородком и продолжил:

— Сёстры Си Цзин и Бэй Сюэ на этот раз поехали с учителем на Восточное море, ты, наверное, их уже видел?

Лу Цы сразу вспомнил двух женщин в белых одеждах, стоявших рядом с Цзи Учжоу во время церемонии. Неудивительно, что они тогда приветствовали его словом «Владыка дворца», а не «Учитель». Оказывается, они не были ученицами, а были управляющими дворца.

Старший ученик продолжил:

— Оставшийся Нань Цяо — это тот, кто только что пришёл. Он прибыл раньше всех, можно

сказать, что он доверенное лицо учителя!

Услышав это, Лу Цы невольно вспомнил о «брате», о котором говорил парень в таверне на берегу. Неужели это Нань Цяо?

Он опустил глаза и немного подумал, а когда поднял взгляд, увидел, что ученики молча переглядываются, словно толкая друг друга, чтобы что-то сказать.

Лу Цы немного растерялся и молчал, пока старший ученик наконец не прокашлялся и не спросил неуверенно:

— Э-э... у нас есть вопрос.

Раньше старший ученик казался довольно прямым, и Лу Цы не понимал, почему он вдруг стал таким нерешительным. Он спросил:

— Говори.

— Только не обижайся, ладно? — старший ученик неловко почесал затылок и усмехнулся. — Ты... как попал на террасу Сюаньцзин?

Лу Цы тут же понял: Великая церемония Помилования, хоть и называется «великой церемонией», на самом деле всё равно была «казнью» для преступников на террасе Сюаньцзин. На террасе Сюаньцзин содержались только те, на ком была кровь, и это, наверное, было известно всем.

Теперь он, «Сун Чжун», хоть и победил в церемонии и формально его прошлые грехи были смыты, и он мог начать новую жизнь, всё же когда-то был тяжким преступником, и ученики не могли не беспокоиться о его прошлых преступлениях.

Однако то, что сделал Сун Чжун, в глазах Лу Цы не было позорным. Более того, окажись он на его месте, он, вероятно, поступил бы так же. Поэтому он не чувствовал никакого стыда и, немного приведя в порядок то, что узнал в иллюзии Зеркального пруда, спокойно рассказал всем.

...

— Чёрт! Хорошо убил! — старший ученик в ярости хлопнул себя по ноге.

— Точно! Такой старый скот deserves быть разрезанным на тысячу кусков и брошенным в кипящее масло! — остальные ученики тоже выразили своё возмущение.

Дун Пин тоже выглядела возмущённой, но через мгновение вздохнула, сменила гнев на милость и улыбнулась, успокаивая:

— Хорошо, что теперь всё позади. В дальнейшем считай этот дом своим, живи спокойно.

Старший ученик сказал:

— Да-да-да! Мла... младший дядя, давай больше не будем говорить об этих неприятных вещах. Кстати, ты ведь ещё не знаешь, как меня зовут? Меня зовут Лу Яньшу, Лу — как в «континент», Янь — как в «дикий гусь»...

— Шу — как в «старик»! — хором выкрикнули остальные.

— Пошли вы, пошли вы, пошли! — старший ученик замахал на них руками.

Все хихикали и шумели, потом по очереди представились, а затем начали с любопытством расспрашивать о процессе Великой церемонии Помилования, пока Дун Пин, потеряв терпение, не приказала им немедленно идти спать. Только тогда ученики с неохотой разошлись.

...

Во дворе дворца бессмертных, под лунным светом падал снег.

По дороге в павильон Юйлу Дун Пин сказала Лу Цы, что «павильон Юйлу» — это покои Цзи Учжоу во дворце. Хотя они делятся на внутреннюю и внешнюю комнаты, внешняя всегда пустовала, и, видимо, Цзи Учжоу хотел, чтобы Лу Цы пока пожил там.

Проходя через коридор, Дун Пин вдруг вспомнила о чём-то и сказала:

— Кстати, раз уж ты будешь рядом с владыкой дворца, я должна кое-что тебе наказать.

Лу Цы кивнул, и Дун Пин продолжила:

— В повседневной жизни у владыки дворца нет особых правил, но есть одно: он ложится спать в час цзы (полночь). Поэтому до полуночи ты должен сначала согреть для него постель.

— Согреть постель? — удивился Лу Цы.

Дун Пин подняла бровь:

— Угу.

Лу Цы на мгновение запнулся и растерянно спросил:

— Как согреть?

Дун Пин, словно услышав какую-то шутку, окинула его взглядом с головы до ног и неопределённо, с игривым выражением улыбнулась:

— А как ты думаешь?

Лу Цы мгновенно лишился дара речи. Долго молчал, а потом не сдаваясь спросил:

— А до моего прихода... кто её грел?

Дун Пин небрежно ответила:

— Кто дежурил, тот и грел. Иногда я, иногда Си Цзин или Бэй Сюэ.

Лу Цы смотрел на её само собой разумеющееся выражение лица и в душе ругался: Цзи Учжоу, да ты мастер! Что это за извращённые нравы в твоём Дворце бессмертных Думэн? Даже девушки такие... непринуждённые?!

Через некоторое время они подошли к высоким воротам дворца. Дун Пин кивнула в сторону двери:

— Вот, пришли.

Лу Цы поднял голову и действительно увидел на красной деревянной табличке над дверью три позолоченных иероглифа «Павильон Юйлу».

Дун Пин, прикрывая рот, зевнула:

— Заходи, я пошла.

Сказав это, она развернулась и пошла в другую сторону.

Лу Цы проводил её взглядом, затем обернулся, толкнул дверь и вошёл. Едва переступив порог, он был объят сильной волной тепла.

Во «внешней комнате» была кровать, столы, стулья — всё в наличии. На полу был постлан толстый войлок, в четырёх углах горели жаровни, и воздух над ними дрожал в горячем потоке.

Закрыв дверь, Лу Цы снял халат из журавлиных перьев и положил его на кровать, а потом только заметил, что в руках всё ещё держит те несколько глиняных кувшинов, которые дал ему раньше Цзи Учжоу.

Пристально глядя на кувшины, он сел на край кровати, приподнял красную шёлковую ткань на одном из них, осторожно поднёс к носу и понюхал. Но не почувствовал странного запаха, которого ожидал, а лишь слабый аромат.

Неужели будет невкусно?

Он опустил глаза, смотрел на тёмное горлышко кувшина, немного поколебался, потом решительно поднёс его ко рту и сделал маленький глоток.

Мм... вроде никакого вкуса?

Он подержал вино во рту, ощущая.

О, немного сладко.

<http://bllate.org/book/16826/1565248>